

Смека - С.Тб. - 2001. - 7 сент. - с. 19

ВНЕЗАПНОСТИ

ВОДЯНЫЕ КАРТИНЫ

Двадцатипятилетний художник Иван Айвазовский проснулся знаменитым, выставив свои картины в Италии. Вскоре его морские пейзажи сделали популярными по всей Европе, но к концу длинной жизни его слава, оставаясь никем не превзойденной, сделалась почти двусмысленной - над Айвазовским даже начали потешаться: "Какой это Айвазовский? Чем торгует?" - "Живописец он, водяные картины рисует. Вот поставишь картину к стенке... а против ее утку пустишь - утка-то в картину и лезет. На воду, значит, идет. Уток надувал..." Понятно, юморист Н. Лейкин смеялся над "иллюзорностью" Айвазовского, у которого море "как живое", - но ведь при этом намекал, что знаменитый художник надувает не одних только уток. Впрочем, такая "вода", в которую спокойно войдут утки, - это не главный прославивший Айвазовского мотив; за три года до кончины Айвазовского еще один писатель посмеивался: "Давеча подняли шум, пальбу - срам один!" - говорит старая няня, а Вафля ей отвечает: "Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского..."

"Сюжет" выдумал не Вафля - Чехов, а пальбу поднял дядя Ваня, тезка прославленного живописца. Стало быть, настоящий сюжет Айвазовского - "выстрел". Удар молнии, буря, накренившийся, готовый разбиться корабль... Айвазовский обожал катастрофы, - но только морские, он их рисовал так красиво, что зрителю никогда не было страшно - только приятно! Разве не приятно повесить на стенке эдакую "свободную стихию", громадную морскую волну, чье бешенство и гнев обрамлены бронзой? Висит себе натуральная буря над горящим камином, и хозяин картины разглядывает ее, чувствуя себя в полной безопасности, а эти, оставшиеся на мачте, - потонут? выплывут? - какая, в сущности, разница?.. Сам Папа Григорий XVI купил у Айвазовского какой-то "Хаос" - для ватиканской галереи, а турецкий султан Абдул-Азис пожаловал художника бриллиантовым орденом. Айвазовский лично знал русских царей - от Николая I до последнего, Второго, ему пожимали руку Франц-Иосиф и Наполеон III. Перечислить его знаменитых знакомых здесь невозможно, но это, в частности, вся русская литература - от Пушкина до Чехова, который, познакомившись с действительным тайным советником, первым живописцем Главного морского штаба, любимцем Нахимова и Корнилова, все-таки нашел в нем сходство с архиереем.

"Был знаком с Пушкиным, но Пушкина не читал" - этого наверняка нет ни в одной биографии художника - только в чеховском письме; потому что биографы никак не могут сообра-

зить, что дело тут не в Пушкине, что Чехов увидел перед собой человека, который вообще никогда не читал.

А зачем Айвазовскому - читать, когда романтические истории происходят с ним чуть не на каждом шагу? Вот одна из них: осень 1837 года, двадцатилетний юноша в раздумье бредет по улице и не слышит криков кучера - почти над головой, и вдруг оказывается распростерт на тротуаре, над ним склоняется женщина из экипажа - вся в белом! Приведа его в чувство, незнакомка спрашивает его имя, а наутро присылает билет в голубом конверте - на "Сильфиду"... В театре Айвазовский восторженно рукоплещет великой Марии Тальони, в которой, понятно, видит свою незнакомку... Через семь лет, в Венеции, он получает такой же конверт, который молниеносно узнает - по цвету и запаху; снова театр, триумф, прогулка на черной гондоле в лунную ночь, и опять - белое платье; она рассказывает ему о своей несчастной судьбе, а на прощание дарит башмачок... "Когда она вышла, - сообщает биограф, - Айвазовский долго стоял, держа в руках туфельку Тальони..." Они встречаются снова - через тридцать один год! - и тогда он узнает, что всю жизнь она любила только его, Айвазовского (туфелька между тем давно хранится в особом сундучке - вместе с двумя голубыми конвертами)... Бедная Сильфида! Она была старше его на тринадцать лет, и она - боялась! Сюжет, достойный кисти Паустовского. Или - Михаила Зощенко. А если бы об Айвазовском вспомнил вдруг Даниил Хармс, то сочинил бы примерно такое: как известно, художник Айвазовский совершенно не умел плавать. Он и рисовать тоже не умел, но все равно был художник. Сидит, бывало, у камина, курит кальян и все гладит какую-то белую туфельку... Вокруг уже внуки бегают, а он все гладит, гладит, пока один внук не схватил туфельку, и...

Не станем продолжать - и так ясно, что Айвазовский всю свою жизнь был натуральным романтиком - пожалуй, самым типичным и самым скучным. Он прожил 83 года и создал свыше 6000 картин, которые писал очень быстро: "Писать тихо, корпеть над картиною целые месяцы не могу". Он умер в 1900 году, в родной Феодосии, не дописав последнюю картину - "Взрыв турецкого судна". Если б он сумел прожить не 83 года, а, скажем, 99 (как Тициан), достался бы ему еще один симпатичный сюжет - "Гибель "Титаника". Впрочем, полюбоваться этим сюжетом - опять-таки в полной безопасности - мы можем сегодня и без Айвазовского.